

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ЭСТОНИИ В 2005—2019 ГОДАХ

**Д. А. Ланко,
И. С. Ланцова**

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 11.11.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-2
© Ланко Д. А., Ланцова И. С., 2020

Дается оценка реализуемого в Эстонии с 1990-х годов проекта по «интеграции» этнических эстонцев и этнических русских путем ассимиляции представителей второй группы в состав первой группы. Поскольку этот проект реализуется в Эстонии на протяжении почти тридцати лет, сегодня представляется актуальным подвести его промежуточные итоги, определить, насколько успешным или провальным он оказался. В статье разработанный Г.В. Голосовым индекс национализации политических партий используется для того, чтобы определить, в какой мере проект по «интеграции» оказался способен преодолеть идеологические противоречия между этническими эстонцами и этническими русскими. Иными словами, делается попытка понять, голосуют ли этнические эстонцы и этнические русские за одни и те же партии практически в равной пропорции, или же в стране сформировались «эстонские» и «русские» политические партии. С опорой на анализ результатов четырех парламентских выборов, прошедших в Эстонии в 2007—2019 годах, и четырех выборов в органы местного самоуправления, прошедших в 2005—2017 годах делается вывод, что к середине 2000-х годов партийно-политическая система Эстонии достигла существенного уровня национализации как на национальном, так и на местном уровнях. На национальном уровне национализация партийно-политической системы оставалась высокой в 2007—2019 годах, несмотря на существенные изменения этой системы. Однако на местном уровне национализация партийно-политической системы снижалась с 2013 года, что позволяет сделать вывод о неспособности эстонского проекта по «интеграции» преодолеть идеологические противоречия между этническими эстонцами и этническими русскими.

Ключевые слова:

сравнительная политология, политические партии, партийно-политические системы, национализация, Эстония

Четверть населения Эстонии — этнические русские, следовательно, страна является плюралистическим обществом, в котором существует глубокие религиозные, языковые, культурные, этнические и идеологические расколы [18]. Модель «консоциальных демократий» Лейпхарта и ряд других (например, мультикультурализм) предлагают свои способы демократизации плюралистических обществ, включающие в себя меры по смягчению религиозных, этнических, языковых, культурных и идеологических разногласий. После обретения независимости в 1991 году Эстония выбрала путь демократизации, подразумевающей не смягчение, но устранение внутренних разногласий. Эстонская элита назвала этот путь «интеграцией». Использо-

Для цитирования: Ланко Д. А., Ланцова И. С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005—2019 годах // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 16—31. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-2.

ние термина «интеграция» в данном контексте спорно, поскольку интеграция обычно воспринимается как процесс объединения различных элементов в единое целое, свойства которого отличны от свойств его элементов. При этом эстонская политика так называемой интеграции нацелена на создание целого, свойства которого идентичны характеристикам лишь одной части эстонского общества — этнических эстонцев.

Эстония не единственная страна, проводящая политику так называемой интеграции, заключающейся в устранении различий между доминирующей группой населения и всеми остальными. По словам Й. Янсена, «в 1970-х и 1980-х годах большинство либеральных стран постепенно переходило к модели интеграции, так как ассимиляция имела колониальные и националистические коннотации» [12, р. 89]. В 1990-х годах многие посткоммунистические страны Европы пошли именно по этому пути. В частности, русскоязычное меньшинство Эстонии столкнулось с выбором между «интеграцией» и сегрегацией. Кто-то «вернулся» в Россию, кто-то переехал в другие страны Европейского союза, кто-то предпочел самосегрегацию в преимущественно русскоязычных анклавах — Нарве и других городах Северо-Восточной Эстонии, а также некоторых районах Таллина. Наконец, многие русскоязычные жители Эстонии выбрали путь интеграции и только спустя десятилетие осознали, какие угрозы таит в себе ловушка мимикрии, описанная Х.К. Бхабхой [3]: чем больше они «интегрировались», тем большее количество этнических эстонцев считало эти попытки имитацией, за которой последние видели либо стремление избежать сегрегации, либо нечто иное, например продвижение интересов России в ущерб эстонской государственности.

В 1990-х годах на становление идентичности русскоязычного меньшинства в Эстонии оказывали влияние как нацеленный на «интеграцию» эстонский «этнократический» [39] режим, так и Россия (государство — «этнический заступник») и Запад, представленный в первую очередь международными организациями, такими как ОБСЕ [28]. Даже встав на сторону эстонского правительства в 2000-е годы, Запад мало поспособствовал политике так называемой интеграции, направленной на ликвидацию этнических, языковых, религиозных и культурных различий между этническими эстонцами и этническими русскими. Сегодня, когда с 1991 года прошло почти тридцать лет, Эстония остается глубоко разделенной политией, схожей с другими разделенными политиями — от Северной Ирландии в Европе до Фиджи в Тихоокеанском регионе [4]. Тем не менее в эстонском обществе не обсуждаются модели межэтнического сосуществования, альтернативные так называемой интеграции. Не существует и политики, содействующей активному межэтническому диалогу между эстонским этническим большинством и преимущественно русским этническим меньшинством [36].

Похоже, проще всего в эстонском обществе устраним идеологический раскол. В практическом плане идеологическая интеграция в Эстонии станет считаться успешной тогда, когда избирательное поведение этнических эстонцев не будет существенно отличаться от избирательного поведения имеющих право голоса русскоязычных жителей страны.

Особенности голосования русскоязычных в Эстонии остаются недостаточно изученными. Эстонские ученые, как правило, обращают внимание на русскоязычных сограждан тогда, когда те участвуют в протестах, но не тогда, когда они месяцем ранее приходят на избирательные участки [30]. Российские ученые редко занимаются исследованиями этнического фактора голосования [6] в отношении как русскоязычного населения Эстонии, так и населения России. Этнический аспект голосования в России анализировался [38], но не российскими учеными. За пределами России или Эстонии электоральное поведение русскоязычных избирателей изучается в последнее время в рамках более широких сравнительных исследований, затрагивающих государства Центральной и Восточной Европы [5; 37], а иногда и страны за пределами региона [20].

В данной статье делается попытка ответить на вопрос, двигалось ли эстонское общество, в том числе его этнический эстонский и этнический русский сегменты, в последние пятнадцать лет в сторону преодоления идеологического раскола, или же движение шло в противоположном направлении. При помощи предложенного Г.В. Голосовым индекса национализации партийной системы дается ответ на вопрос, есть ли различия в партийных предпочтениях между эстонскими регионами, населенными преимущественно этническими эстонцами (Пярнуский уезд), этническими русскими (Нарва), и теми территориями, где два сегмента общества равно представлены (Таллин). Будет показано, что, несмотря на то, что к 2000-м годам Эстония достигла значительного уровня национализации своей партийной системы, ситуация изменилась в 2010-е годы. Будет дано объяснение данной тенденции.

Индекс национализации партийной системы как показатель политической интеграции в Эстонии

Для оценки отношений между меньшинством, обществом и государством был предложен целый ряд инструментов. Один из таких инструментов — индекс институционализации групповой идентичности [22]. В статье предпринимается попытка оценить успешность политической интеграции в Эстонии при помощи разработанного Г.В. Голосовым индекса национализации партийной системы (ИНПС) [8; 9; 31]. Индекс был разработан для оценки национализации партийных систем (или получения вывода об отсутствии таковой) в федерациях. В статье обосновывается возможность применения данного индекса к исследованиям партийных систем унитарных государств, в которых имеются территории компактного проживания этнических меньшинств.

В Эстонии большинство этнических русских живет в Таллине и северо-восточном Ида-Вируском уезде, в состав которого входит расположенный у границы с Россией город Нарва, третий по величине в стране. Избиратели второго и четвертого крупнейших городов Эстонии Тарту и Пярну, а также Пярнуского и Тартуского уездов — преимущественно этнические эстонцы. При помощи индекса национализации партийной системы будет оцениваться то, в какой мере избиратели из упомянутых регионов Эстонии склонны голосовать за одни и те же партии и насколько на электоральный выбор влияют региональные особенности.

В общем виде индекс национализации партий вычисляется следующим образом:

$$\text{ИНП} = 1 - \frac{n - (\sum_{i=1}^n p_i)^2 / \sum_{i=1}^n p_i^2}{n - 1},$$

где *ИНП* — это индекс национализации партии, p_i — доля голосов, отданных за данную партию в каждом из рассматриваемых избирательных округов, а n — количество изучаемых округов.

Ниже будут проанализированы итоги четырех общенациональных и четырех местных выборов, состоявшихся в Эстонии в 2005—2019 годах. При этом особое внимание будет уделено национализации партийной системы страны. Например, на местных выборах, состоявшихся в Эстонии в октябре 2005 года, впервые в мире на национальном уровне использовалось электронное голосование [19]. Наверное, самым примечательным результатом этих выборов было резкое падение популярности партии «Res Publica». В 2003 году успех ей принесло позиционирование в качестве «антиэлитарной партии реформ» [10]. Тем не менее вскоре после этого она начала терять популярность [32]. На местных выборах 2005 году партия заняла лишь пятое место по количеству голосов, набранных ее кандидатами в более чем

200 городах и волостях, на которые в то время была разделена Эстония. В отличие от Латвии, отказавшейся от местных выборов на уездном уровне уже после 1997 года, Эстония не проводила местных выборов данного уровня с момента обретения независимости в 1991 году [35].

В таблице 1, представляющей результаты местных выборов 2005 года по Таллину, Нарве, Тарту и Пярну, приведены значения индекса национализации четырех наиболее популярных в этих городах политических партий (Центристской, Партии реформ, партии «Отечество» и Социал-демократической партии). Результаты партии «Res Publica» при этом не рассматриваются. В то время наблюдались некоторые электоральные различия между городскими и сельскими районами Эстонии. Например, несмотря на то, что Социал-демократическая партия в 2005 году набрала больше голосов, чем «Народный союз» (ранее известный как «Аграрный союз») в четырех крупнейших городах, последний занял четвертое место по стране благодаря своей популярности в сельских районах.

Таблица 1

Индекс национализации партий по итогам местных выборов в Эстонии в 2005 году

Партия	Таллин	Нарва	Тарту	Пярну	ИНП
Центристская партия (ЦП)	41,1	59,4	15,7	24,0	0,75
Партия реформ (ПР)	20,7	6,4	34,9	20,2	0,74
«Отечество»	12,2	1,3	19,0	13,6	0,68
Социал-демократическая партия (СДП)	11,1	2,1	13,8	8,4	0,74

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee).

На местных выборах 2005 года Центристская партия заняла первое место по голосам, набранным в Таллине, Нарве и Пярну, получив лишь третий результат в Тарту. Согласно приведенной выше формуле индекс партийной национализации для Центристской партии по четырем избирательным округам рассчитывается следующим образом:

$$\text{ИНП}_{\text{ЦП}} = 1 - \frac{4 - (41,1 + 59,4 + 15,7 + 24,0)^2}{(41,1^2 + 59,4^2 + 15,7^2 + 24,0^2)} = 0,75.$$

Похожим образом индекс национализации партии можно вычислить и для трех других политических партий. Соответствующие индексы представлены в последнем столбце таблицы 1. Индекс национализации партий варьируется от 0 до 1. Индекс, равный 0, означает, что все избиратели в данной части страны голосуют за «свои» политические партии, в то время как все избиратели в других частях страны голосуют за другие политические партии. В случае Эстонии, где большинство жителей Нарвы голосуют за Центристскую партию, индекс национализации партии, равный 0, означал бы, что все жители Нарвы поддержали Центристскую партию, но в Таллине, Нарве или Пярну за нее не отдали ни единого голоса. Индекс, равный 1, говорил бы о равной поддержке Центристской партии во всех четырех крупных городах на местных выборах 2005 года. На этих выборах самое низкое значение индекса национализации было у партии «Союз Отечества»: она показала слабый результат в Нарве, получив при этом второе место в Тарту. Средний индекс национализации по четырем партиям составил 0,72.

Ниже результаты местных выборов 2009, 2013 и 2017 годов будут проанализированы так же, как и результаты 2005 года. Итоги парламентских выборов 2007, 2011, 2015 и 2019 годов будут рассмотрены по Таллину, Тарту (второму по величине городу страны), а также Пярнускому и Ида-Вирусскому уездам. Половина всех избирателей Эстонии, имеющих право голосовать на парламентских выборах, проживают в этих четырех избирательных округах. На парламентских выборах Таллин делится на три избирательных округа (всего в Эстонии их двенадцать). Для определения поддержки каждой из партий в Таллине общее количество голосов, отданных за партию в трех избирательных округах города, делится на общее количество действительных бюллетеней в тех же трех округах.

Эволюция партийной системы Эстонии в 2005 — 2019 годах

Ключевую роль в становлении партийной системы Эстонии сыграли 2005—2007 годы. Уже в 2006 году партийная система Эстонии была более стабильной, чем ее эквиваленты в большинстве стран Центральной и Восточной Европы [17]. Партии «Res Publica» и «Отечество» объединились в партию «Союз Отечества и Res Publica» (СО и РР), до 2019 года остававшегося в четверке самых популярных партий страны вместе с Центристской партией, Партией реформ и Социал-демократической партией. «Народный союз» потерял свою поддержку на фоне растущей урбанизации Эстонии и оттока населения в более благополучные страны Европейского союза. Партия получила только шесть мест по итогам парламентских выборов 2007 года, при этом в 2003 году в парламент вошли тринадцать ее членов [25]. В таблице 2 приведены значения индекса национализации четырех партий по итогам парламентских выборов 2007 года в четырех избирательных округах.

Таблица 2

Индекс национализации эстонских партий по итогам парламентских выборов в 2007 году

Партия	Таллин	Ида-Вирусский уезд	Тарту	Пярнуский уезд	ИНП
ЦП	32,7	53,7	16,1	22,1	0,77
ПР	25,6	15,3	34,3	27,5	0,91
СО и РР	19,4	8,6	21,5	19,6	0,89
СДП	8,9	4,2	13,4	10,7	0,85

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

К 2007 году четыре рассматриваемые нами партии стали самыми популярными в стране. Некоторые эстонские эксперты даже выражали обеспокоенность по поводу потенциальной «картелизации» национальной системы политических партий [33]. Центристская партия выиграла выборы 2007 года в Таллине и Ида-Вирумском уезде — регионах, где проживает большинство русскоговорящих избирателей. Партия реформ же заняла первое место в Тартуском и Пярнуском уездах, а также в целом по стране [30]. Так было положено начало почти десятилетнему доминированию Партии реформ в политике Эстонии на общенациональном уровне. Результаты местных выборов 2009 года были аналогичны результатам выборов 2005 года. Так же, как и в 2005 году, Центристская партия выиграла в Таллине, Нарве и Пярну (в Тарту первое место заняла Партия реформ), оттянув голоса у Партии реформ, результаты которой в регионах доминирования Центристской партии мало отли-

чались от результатов «Союза Отечества и Res Publica». В таблице 3 представлены индексы национализации четырех эстонских партий по результатам местных выборов 2009 года по четырем избирательным округам.

Таблица 3

Индекс национализации партий по итогам местных выборов в Эстонии в 2009 году

Партия	Таллин	Нарва	Тарту	Пярну	ИНП
ЦП	53,5	76,6	17,4	21,8	0,67
ПР	16,6	7,7	30,8	14,1	0,74
СО и РР	15,4	5,9	23,5	12,4	0,78
СДП	9,8	4,8	15,9	6,6	0,77

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) расчеты авторов.

После победы на парламентских выборах 2007 года тогдашний лидер Партии реформ Андрус Ансип решил перенести памятник воинам, павшим в Великой отечественной войне, из центра Таллина на военное кладбище в пригороде, спровоцировав тем самым массовые протесты этнических русских в Таллине. Эти события стали известны под названием «Бронзовая ночь» [16]. Углубляющееся после переноса памятника разделение между этническими эстонцами и этническими русскими не привело тем не менее к снижению среднего индекса национализации партий на парламентских выборах 2011 года по сравнению с парламентскими выборами 2007 года. Деятельность двух основных соперничающих партий — Центристской партии и Партии реформ — не претерпела существенных изменений в рассматриваемых избирательных округах, в то время как Социал-демократическая партия улучшила свой результат за счет «Союза Отечества и Res Publica». Количество голосов, отданных за обе партии по всей стране, сравнялось. В таблице 4 приведены индексы национализации четырех эстонских партий по результатам парламентских выборов 2011 года по четырем избирательным округам.

Таблица 4

Индекс национализации эстонских партий по итогам парламентских выборов в 2011 году

Партия	Таллинн	Ида-Вирусский уезд	Тарту	Пярнуский уезд	ИНП
ЦП	32,6	54,5	15,5	17,4	0,72
ПР	25,9	12,5	34,4	28,5	0,88
СО и РР	19,5	10,7	24,3	21,9	0,91
СДП	13,3	12,4	18,7	12,5	0,96

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

На местных выборах 2009 года три четверти избирателей преимущественно русскоязычной Нарвы поддержали Центристскую партию. На местных выборах 2013 года остальные игроки объединились в попытке потеснить доминирующую в городе Центристскую партию. Кампанию возглавила Социал-демократическая партия, чей местный активист Евгений Осинковский в 2013 году пользовался широкой поддержкой избирателей. Популярные активисты других партий, например Катри Райк из «Союза Отечества и Res Publica», ставшая впоследствии ректором Нарвского колледжа Тартуского университета — главного вуза города, также вошли в список Социал-демократической партии [2]. Партия реформ вообще не выдвигала

свой список кандидатов на выборах в Нарве. В результате социал-демократы набрали в городе более трети голосов. При этом у всех объединившихся партий снизился индекс национализации. Наиболее заметно изменились показатели социал-демократов и Партии реформ. В таблице 5 представлены индексы национализации четырех эстонских партий по результатам местных выборов 2013 года в четырех избирательных округах.

Таблица 5

**Индекс национализации партий
по итогам местных выборов в Эстонии в 2013 году**

Партия	Таллинн	Нарва	Тарту	Пярну	ИНП
ЦП	52,7	60,1	18,4	26,1	0,78
ПР	10,6	0,0	28,2	15,1	0,52
СО и RS	19,2	2,9	21,1	17,0	0,75
СДП	9,9	35,8	15,8	6,6	0,59

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

Разногласия между Россией и ЕС по украинскому вопросу не могли не повлиять на эстонскую избирательную кампанию 2015 года. В то время как большинство этнических эстонцев встали на сторону ЕС, большинство этнических русских, особенно в Нарве, поддержали Россию. Тогдашний лидер Центристской партии Эдгар Сависаар публично поддержал крымский референдум, состоявшийся 16 марта 2014 года [7]. В свою очередь, лидер правящей на тот момент Партии реформ Таави Рыйвас попытался отвлечь внимание избирателей от текущих экономических проблем, взяв на себя роль защитника народа, которому угрожает агрессия с Востока.

В результате итоги парламентских выборов 2015 года несильно отличались от картины 2011 года. Единственным исключением было падение популярности «Союза Отечества и Res Publica», чьи избиратели отдали предпочтение свежесозданным крайне правым партиям: Консервативной народной партии Эстонии и Свободной партии Эстонии [15]. Индекс национализации ни одной из четырех рассматриваемых партий значительно не изменился. Значение индекса национализации Консервативной народной партии Эстонии (КНПЭ) оказалось довольно низким из-за ограниченной поддержки как в преимущественно русскоязычных Таллине и Ида-Вирусском уезде, так и в Тарту, где расположен главный вуз страны — Тартуский университет. В таблице 6 представлены значения индекса национализации партий по итогам парламентских выборов 2015 года по четырем избирательным округам.

Таблица 6

**Индекс национализации эстонских партий
по итогам парламентских выборов в 2015 году**

Партия	Таллинн	Ида-Вирусский уезд	Тарту	Пярнуский уезд	ИНП
ЦП	33,6	59,0	15,1	19,1	0,70
ПР	25,7	11,9	33,4	28,9	0,88
СО и RP	11,5	8,2	14,4	13,5	0,95
СДП	12,7	11,3	16,8	11,8	0,97
КНПЭ	6,2	3,1	6,9	18,2	0,59

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

На местных выборах 2017 года социал-демократы, Партия реформ и «Союз Отечества и Res Publica» продолжили свои попытки оспорить лидерство Центристской партии в Нарве. В этот раз Социал-демократическая партия не выдвинула свой список кандидатов. Ее представители и активисты партий-союзников шли по непартийному списку из союза «Наша Нарва» [21], получившего поддержку 23,3 % городских избирателей. Новая попытка оказалась еще менее успешной, чем предыдущая: в 2017 году Центристская партия получила голоса уже не 60 % избирателей, как в 2013 году, а двух третей. Значение индекса национализации трех партий, объединившихся против Центристской на местных выборах 2017 года, в 2017 году оказалось ниже показателя 2013 года. Показатель Консервативной народной партии Эстонии также был невысоким. Это объясняется тем, что партия не получила существенной поддержки в Таллине и Нарве. В таблице 7 приведены значения индекса национализации пяти эстонских партий по результатам местных выборов 2017 года по четырем избирательным округам.

Таблица 7

Индекс национализации партий по итогам местных выборов в Эстонии в 2017 году

Партия	Таллинн	Нарва	Тарту	Пярну	ИНП
ЦП	44,0	66,8	13,7	19,1	0,66
ПР	20,3	1,3	37,4	22,8	0,62
СО и РР	6,6	1,0	7,4	18,9	0,51
СДП	11,0	0,0	16,6	5,4	0,52
КНПЭ	7,0	0,0	11,2	15,4	0,58

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

Отличительной чертой эстонских парламентских выборов 2019 года стала «демобилизация» [34] малообеспеченных граждан и этнических русских — двух в значительной степени пересекающихся категорий эстонского общества. Благодаря этому Партия реформ и Консервативная народная партии Эстонии значительно улучшили свои результаты по сравнению с 2015 годом. При этом успехи Центристской и Социал-демократической партий были умеренными по сравнению с тем же годом. Политическая партия, ранее известная как «Союз Отечество и Res Publica», в этот раз выступила как «Отечество». Возвращение к названию 2007 года существенно не повлияло на электоральный результат партии. В таблице 8 отображены значения индекса национализации пяти партий по итогам парламентских выборов 2019 года по четырем округам.

Таблица 8

Индекс национализации эстонских партий по итогам парламентских выборов в 2019 году

Партия	Таллин	Ида-Вирусский уезд	Тарту	Парнуский уезд	ИНП
ЦП	31,4	50,7	13,6	19,2	0,74
ПР	28,9	14,0	34,6	26,3	0,90
«Отечество»*	8,8	6,5	12,1	12,2	0,93
СДП	9,2	14,8	11,3	6,7	0,90
КНПЭ	11,7	8,3	17,0	28,1	0,77

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

*«Отечество» — партия, участвовавшая под тем же названием в местных выборах 2005 года и под названием «Союза Отечества и Res Publica» на выборах 2007—2017 годов.

В 2005—2019 годах значение индекса национализаций эстонских партий на местных выборах было ниже, чем на общенациональных. Это относится ко всем рассматриваемым партиям. Данная тенденция объясняется тремя факторами. Во-первых, неграждане, многие из которых этнические русские, имеют право голосовать на местных, но не на общенациональных выборах. Как и предполагалось ранее [11], русскоязычные граждане Эстонии, наименее удовлетворенные существующим в стране этнократическим режимом, эмигрировали в другие страны ЕС после снятия в 2007 году ограничений на передвижение рабочей силы из новых членов союза. Таким образом, эта группа перестала оказывать значительное влияние на итоги общенациональных выборов. В то же время неграждане, не имеющие возможности уехать в другую часть ЕС из-за отсутствия эстонского гражданства, остались в стране, а их влияние на местные выборы сохранилось. Во-вторых, избирательные союзы все еще играют заметную роль на местных выборах, несмотря на то, что их влияние снижалось с 2005 по 2017 год [24]. В-третьих, те же граждане, выбирая из тех же партий, голосуют по-разному на выборах разного уровня [23].

Факторы снижающейся национализации эстонской системы политических партий на местном уровне

В целом по стране уровень национализации партийной системы был довольно высоким на протяжении двенадцати лет с всеобщих выборов 2007 года до выборов 2019 года. В 2015 году появление крайне правой Консервативной народной партии Эстонии привело к некоторому снижению среднего индекса национализации партий, но к 2019 году он практически вернулся на уровень 2007-го. В 2005—2017 годах значение показателя снижалось на местных выборах. Средние значения национализации партий по итогам рассмотренных выше общенациональных и местных выборов представлены в таблице 9. На местных выборах 2005 года у партии «Отечество», поддерживаемой преимущественно этническими эстонцами, было самое низкое значение индекса национализации. Однако на местных выборах 2009 года, объединившись, партии «Отечество» и «Res Publica» смогли получить голоса как этнических эстонцев, так и этнических русских. Например, в 2009 году в Нарве с ее преимущественно русскоязычным населением за объединенную партию проголосовали почти 6 % избирателей. Соответственно, повысился индекс национализации партии.

Таблица 9

Средние значения индекса национализации партий по итогам эстонских выборов 2005—2019 годов

Партия	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2017	2019
ЦП	0,75	0,77	0,67	0,72	0,78	0,70	0,66	0,74
ПР	0,74	0,91	0,74	0,88	0,52	0,88	0,62	0,90
«Отечество»	0,68	0,89	0,78	0,91	0,75	0,95	0,51	0,93
СДП	0,74	0,85	0,77	0,96	0,59	0,97	0,52	0,90
КНПЭ	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,59	0,58	0,77
Среднее значение	0,72	0,86	0,74	0,87	0,66	0,82	0,58	0,85

Источник: данные таблиц 1—8; расчеты авторов.

На местных выборах 2009 года у Центристской партии значение индекса национализации было наименьшим, что объясняется более высокой по сравнению с выборами 2005 года поддержкой в Таллине и Нарве при снижении популярности в Тарту и Пярну. Однако средний индекс национализации партии по всем четырем партиям остался практически неизменным по сравнению с местными выборами 2005 года. Первым признаком ухудшения ситуации стало то, что, несмотря на совместные усилия Партии Реформ и Социал-демократической партии в Нарве, на выборах 2013 года первая не была представлена вовсе, а вторая набрала более трети голосов. В результате значения индекса национализации уменьшились у обеих партий, что привело к снижению среднего уровня национализации по всем четырем партиям. В 2017 году с созданием Консервативной народной партии Эстонии ситуация продолжила ухудшаться. На выборах 2017 года у всех партий значения индекса национализации были ниже уровня 2013 года.

Основным фактором улучшения отношений между этническими эстонцами и этническими русскими до 2000-х годов, равно как и ухудшения этих отношений в 2010-х годах, было требование Евросоюза о соблюдении прав меньшинств [27]. Будучи кандидатом на вступление, Эстония была вынуждена изменить свое законодательство, чтобы уравнивать в политических правах граждан и неграждан. Получилось так, что Евросоюз предписывал странам-кандидатам соблюдение более высоких стандартов, чем те, что были приняты в то время в западноевропейских странах-членах [13]. Так как институты ЕС оказывали давление на Эстонию, требуя натурализации всех ее русскоязычных жителей, которых этнические эстонцы считали «носителями русской угрозы» [14], многие этнические эстонцы стали видеть в европейской интеграции опасность для эстонской идентичности.

Так, на балтийских референдумах о членстве в ЕС, состоявшихся в 2003 году, в Литве, где русскоязычное меньшинство составляет менее 10 % населения, за вступление высказались 90 % избирателей, а в Эстонии и Латвии, где русскоязычные меньшинства составляют более четверти населения, только две трети. В то время как элиты Литвы, Латвии и Эстонии «провозгласили вступление в Европейский союз главной целью внешней политики и политики безопасности» [29, p. 1089], население двух последних стран (как этническое большинство, так и русскоязычное меньшинство) с большей осторожностью отнеслось к европейской интеграции. Однако после 2004 года Эстония лишилась стимула вносить изменения в законодательство с целью расширения участия неграждан в политике страны. Трансформация законодательства, призванная примирить этнических эстонцев и этнических русских, застопорилась, что обострило ситуацию в межэтнических отношениях в Эстонии и привело к национализации партийной системы страны в 2010-х годах.

Другие причины ухудшения межэтнической ситуации в Эстонии в рассматриваемый период связаны скорее с внутренними процессами в самой стране, а не с внешними факторами, такими как влияние ЕС. Во-первых, характерная для 1990-х годов дихотомическая дифференциация эстонского общества на этических эстонцев и этнических русских сменилась в 2000-е годы «конкурирующими режимами политики идентичности, опирающимися на не дихотомическую дифференциацию» [1]. В 2010-х годах, когда «Res Publica» исчезла из названия партии «Союз Отечества и Res Publica», а на сцену вышла Консервативная народная партия Эстонии, в Эстонию вернулась дихотомическая дифференциация. Во-вторых, на протяжении 1990-х годов эстонский политический класс постепенно усиливал свое влияние на русскоязычное население страны, тем самым способствуя установлению этнического мира и стабильности [26]. «Бронзовая ночь» 2007 года показала, что влияние это было утрачено. На данный момент не существует свидетельств его восстановления.

Выводы

Преодоление идеологического раскола было наиболее перспективным аспектом проекта «интеграции» русскоязычного меньшинства в Эстонии. Проект был инициирован местной элитой, в которой после обретения независимости в 1991 году доминировали этнические эстонцы. Проект был назван «интеграционным» из-за негативных коннотаций термина «ассимиляция». В действительности он был направлен не на «интеграцию» свойств различных сегментов эстонского общества, а на ассимиляцию и создание однородной группы, имеющей свойства только одного сегмента общества — этнических эстонцев. В этом контексте преодоление идеологического раскола означало создание условий, при которых этнические русские и представители других сегментов эстонского общества голосовали бы за те же политические партии, что и этнические эстонцы. Выше было показано, что индекс национализации партийной системы является эффективным инструментом, позволяющим оценить успехи посткоммунистической Эстонии в преодолении идеологического раскола.

Мы проанализировали итоги эстонских парламентских выборов 2007, 2011, 2015 и 2019 годов, а также местных выборов 2005, 2009, 2013 и 2017 годов. При помощи индекса национализации партийной системы были сделаны выводы о распределении голосов за крупные партии в регионах, преимущественно населенных этническими эстонцами (например, Пярнуском уезде) и этническими русскими (например, в Таллине). Анализ показал, что различие между избирателями Нарвы и Тарту заключалось в том, что первые отдавали предпочтение Центристской партии, а вторые — Партии реформ. Аналогичным образом избиратели Ида-Вирумского уезда поддерживали Социал-демократическую партию, а избиратели Пярнуского уезда — партию «Отечество». В целом к середине 2000-х годов Эстония достигла значительного уровня национализации партийной системы.

На парламентских выборах уровень национализации партий был выше, чем на местных выборах, так как на последних голосуют неграждане, большинство из которых — этнические русские. При этом неграждане не имеют права участвовать в парламентских выборах. В 2007—2019 годах среднее значение национализации партий на парламентских выборах существенно не изменилось, несмотря на то, что политическая система страны претерпела важное изменение, связанное с приходом в политику ультраправой Консервативной народной партии Эстонии в 2015 году. На местном же уровне среднее значение национализации партий в 2005—2017 годах менялось существенно. Помимо появления Консервативной народной партии Эстонии важным фактором были и попытки трех политических партий (Партии реформ, Социал-демократической партии и «Отечества») создать на местных выборах 2013 и 2017 годов неформальные союзы, чтобы оспорить лидерство Центристской партии в Нарве. Эти партии объявили себя «эстонскими» в противовес «русской» Центристской партии, что нанесло серьезный ущерб процессу преодоления идеологического раскола между этническими эстонцами и этническими русскими.

Список литературы

1. *Aalto P.* Beyond Restoration: The Construction of Post-Soviet Geopolitics in Estonia // *Cooperation and Conflict*. 2000. Vol. 35, № 1. P. 65—88. doi: 10.1177/00108360021962002.
2. *Aljas R.* IRL-i aasta tegija Katri Raik kandideerib kohalikel valimistel Narvas sotside nimekirjas // *Delfi.ee* 2013. April 5. URL: <http://www.delfi.ee/news/paevauudised/eeesti/irl-i-aasta-tegija-katri-raik-kandideerib-kohalikel-valimistel-narvas-sotside-nimekirjas?id=65927382> (дата обращения: 22.10.2019).

3. *Bhabha H.K.* The Location of Culture. L. ; N.Y., 1994.
4. *Coakley J., Fraenkel J.* The Ethnic Implication of Preferential Voting // Government and Opposition. 2017. Vol. 52, № 4. P. 671—697. doi: <https://doi.org/10.1017/gov.2017.4>.
5. *Csergo Z., Regelman A.C.* Europeanization and Collective Rationality in Minority Voting: Lessons from Central and Eastern Europe // Problems of Post-Communism. 2017. Vol. 64, № 5. P. 291—310. doi: 0.1080/10758216.2017.1330659.
6. *Фарушкин М.Х.* Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. 2016. № 5 (385). P. 80—86.
7. *Gnadenteich U.* Savaaar Moskvaa: Krimmi referendumi legitiimsus pole oluline // Postimees. 2014. March 18. URL: <https://tallinn.postimees.ee/2732054/savaaar-moskvas-krimmi-referendumi-legitiimsus-pole-oluline> (дата обращения: 22.10.2019).
8. *Golosov G.V.* Factors of Party System Nationalization // International Political Science Review. 2016. Vol. 37, № 2. P. 246—260. doi: 10.1177/0192512114552864.
9. *Golosov G.V.* Party System Nationalization: The Problems of Measurement with an Application to Federal States // Party Politics. 2016. Vol. 22, № 3. P. 278—288. doi: 10.1177/1354068814549342.
10. *Hanley S., Sikk A.* Economy, Corruption or Floating Voters? Explaining the Breakthroughs of Anti-Establishment Reform Parties in Eastern Europe // Party Politics. 2016. Vol. 22, № 4. P. 522—533. doi: 10.1177/1354068814550438.
11. *Hughes J.* “Exit” in Deeply Divided Societies: Regimes of Discrimination in Estonia and Latvia and the Potential for Russophone Migration // Journal of Common Market Studies. 2005. Vol. 43, № 4. P. 739—762. doi: 10.1111/j.1468-5965.2005.00594.x.
12. *Jansen Y.* Secularism, Assimilation and the Crisis of Multiculturalism: French Modernist Legacies. Amsterdam, 2013.
13. *Johns M.* «Do as I Say, Not as I Do»: The European Union, Eastern Europe and Minority Rights // East European Politics and Societies. 2003. Vol. 17, № 4. P. 682—699. doi: 10.1177/0888325403258291.
14. *Kuus M.* European Integration in Identity Narratives of Estonia: A Quest for Security // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39, № 1. P. 91—108. doi: 10.1177/0022343302039001005.
15. *Lanko D.A.* Estonian Political Parties in the mid-2010s // Baltic Region. 2015. № 2. P. 50—57. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-5.
16. *Lehti M., Jutla M., Jokisipila M.* Never-Ending Second World War: Public Performances of National Dignity and the Drama of the Bronze Soldier // Journal of Baltic Studies. 2008. Vol. 39, № 4. P. 393—418. doi: 10.1080/01629770802461175.
17. *Lewis P.G.* Party Systems in Post-Communist Central Europe: Patterns of Stability and Consolidation // Democratization. 2006. Vol. 13, № 4. P. 562—583. doi: 10.1080/13510340600791863.
18. *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Heaven, 1980.
19. *Madise Ü., Martens T.* E-Voting in Estonia 2005: The First Practice of Countrywide Binding Internet Voting in the World // Electronic Voting 2006: Proceedings of the 2nd International Workshop on Electronic Voting. Bregenz, 2006. P. 15—26.
20. *Marcos-Marne H.* Minorities to the Left: Ethno-Linguistic Identification and Vote in Europe // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43, № 15. P. 2634—2651. doi: 10.1080/1369183X.2016.1274648.
21. *Mihhailov S.* Sotsid panid oma Narva kontori kinni [Social Democrats Closed Their Narva Office] // ERRi uudised. 2017. June 21. URL: <https://www.err.ee/603427/sotsid-panid-oma-narva-kontori-kinni> (дата обращения: 22.10.2019).
22. *Moorhouse-Stein E., Rubin A.* The Index of Identity Group Institutionalization: A New Tool to Quantify the Institutionalization of Identity Groups in Democratic Societies // Social Indicators Research. 2016. Vol. 128, № 2. P. 929—955. doi: 10.1007/s11205-015-1063-x.
23. *Pappi F.U.* Political Behaviour: Reasoning Voters and Multi-Party Systems // A New Handbook of Political Science / ed. by R.E. Goodin and H.D. Klingemann. Oxford, 1998. P. 255—275. doi: 10.1093/0198294719.003.0009.
24. *Pettai V.* Balancing between Consolidation and Cartel: The Effects of Party Law in Estonia // The Regulation of Post-Communist Party Politics / ed. by F.C. Bertoa and I. van Biezen. N.Y., 2017. P. 175—194.

25. *Pettai V.* The Parliamentary Elections in Estonia, March 2003 // *Electoral Studies*. 2004. Vol. 23, № 4. P. 828—834. doi: 10.1016/j.electstud.2004.02.001.
26. *Pettai V., Hallik K.* Understanding Process of Ethnic Control: Segmentation, Dependence and Co-Optation in Post-Communist Estonia // *Nations and Nationalism*. 2002. Vol. 8, № 4. P. 505—529. doi: 10.1111/1469-8219.00063.
27. *Sasse G.* The Politics of EU Conditionality: The Norm of Minority Protection during and beyond EU Accession // *Journal of European Public Policy*. 2008. Vol. 15, № 3. P. 842—860. doi: 10.1080/13501760802196580.
28. *Smith G.* Transnational Politics and the Politics of Russian Diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22, № 3. P. 500—523. doi: 10.1080/014198799329404.
29. *Solska M.* Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63, № 6. P. 1098—1108. doi: 10.1080/09668136.2011.585762.
30. *Solvak M., Pettai V.* The Parliamentary Elections in Estonia, March 2007 // *Electoral Studies*. 2008. Vol. 27, № 3. P. 574—577. doi: 10.1016/j.electstud.2008.01.004.
31. *Su Y.P.* Personal Vote, Spatial Registration Rules, and Party System Nationalization in Latin America // *International Political Science Review*. 2018. Vol. 39, № 2. P. 192—208. doi: 0192512116676354.
32. *Taagepera R.* Meteoric Trajectory: The Res Publica Party in Estonia // *Democratization*. 2006. Vol. 13, № 1. P. 78—94. doi: 10.1080/13510340500378274.
33. *Toomla R.* Eesti Erakonnad 2000—2010. Tartu, 2011.
34. *Toots A.* 2019 Parliamentary Elections in Estonia / Friedrich Ebert Stiftung. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/baltikum/15260.pdf> (дата обращения: 22.10.2019).
35. *Vanags E., Vilka I.* Local Government in the Baltic States: Similar but Different // *Local Government Studies*. 2006. Vol. 32, № 5. P. 623—637. doi: 10.1080/03003930600896244.
36. *Волков В.В., Полецук В.В.* Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии // *Социологические исследования*. 2019. № 2. P. 59—67. doi: 10.31857/S013216250004008-1.
37. *Waterbury M.A.* National Minorities and Intra-Ethnic Coordination in the European Parliament: Evidence from Central and Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68, № 3. P. 391—408. doi: 10.1080/09668136.2016.1148663.
38. *White A.C.* How ethnicity matters in Russian elections: ethnic minorities and support for the United Russia party // *Eurasian Geography and Economic*. 2015. Vol. 56, № 5 (September). P. 524—546. doi: 10.1080/15387216.2015.1120680.
39. *Yiftachel O., Ghanem A.* Understanding 'Ethnocratic' Regimes: The Politics of Seizing Contested Territories // *Political Geography*. 2004. Vol. 23, № 6. P. 647—676. doi: 10.1016/j.polgeo.2004.04.003.

Об авторах

Дмитрий Александрович Ланко, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5480-6227>

Ирина Сергеевна Ланцова, кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: i.lancova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5480-6227>

PARTY SYSTEM NATIONALIZATION IN ESTONIA, 2005–2019

D. A. Lanko
I. S. Lantsova

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

Received 11 November 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-2
© Lanko D. A., Lantsova I. S., 2020

This article explores the Estonian ‘integration’ project, which was launched in the early 1990s to bridge the differences between ethnic Estonians and ethnic Russians by assimilating the latter with the former. Since the project will soon turn thirty, it is timely to ask whether it has been a success. This article employs Grigorii Golosov’s index of political party nationalization to understand whether the ‘integration’ project has helped to narrow the ideological divide between ethnic Estonians and ethnic Russians. In other words, the study asks whether ethnic Estonians and ethnic Russians vote for the same political parties in comparable proportions or there are ‘Estonian’ and ‘Russian’ parties in the country. The analysis of the outcomes of four local and four parliamentary elections that took place in Estonia in 2005–2019 shows that by the mid-2000s Estonia achieved a considerable level of political party system nationalization at both national and local levels. At the national level, political party system nationalization remained high in 2007–2019 despite significant changes in the country’s political party system. At the local level, however, political party system nationalization has been diminishing since 2013, leading one to conclude that the Estonian ‘integration’ project has failed to close the ideological divide between ethnic Estonians and ethnic Russians.

Keywords:

comparative politics, political parties, party systems, nationalization, Estonia

References

1. Aalto, P. 2000, Beyond Restoration: The Construction of Post-Soviet Geopolitics in Estonia, *Cooperation and Conflict*, vol. 35, no. 1, p. 65–88. doi: 10.1177/00108360021962002.
2. Aljas, R. 2013, Katri Raik, active in IRL for years, runs on Social Democratic list at local elections in Narva, Delfi. ee, April 5, available at: <http://www.delfi.ee/news/paevauudised/eesti/irl-i-aasta-tegija-katri-raik-kandideerib-kohalikel-valimistel-narvas-sotside-nimekirjas?id=65927382> (accessed on October 22, 2019).
3. Bhabha, H.K. 1994, *The Location of Culture*, London and New York, Routledge, XXVII, 408 p.
4. Coakley, J., Fraenkel, J. 2017, The Ethnic Implication of Preferential Voting, *Government and Opposition*, vol. 52, no. 4, p. 671–697. doi: 10.1017/gov.2017.4.
5. Csergo, Z., Regelmann, A.C. 2017, Europeanization and Collective Rationality in Minority Voting: Lessons from Central and Eastern Europe, *Problems of Post-Communism*, vol. 64, no. 5, p. 291–310. doi: 0.1080/10758216.2017.1330659.
6. Farukhshin, M.K. 2016, Problem of Ethnic Voting in International Discourse, *Sotsiologicheskije issledovaniya*, no. 5 (385), p. 80–86 (in Russ.).
7. Gnadenteich, U. 2014, Savisaar in Moscow: Legitimacy of Crimean Referendum is Not Important, *Postimees*, March 18, available at: <https://tallinn.postimees.ee/2732054savisaar-moskvas-krimmi-referendumi-legitiimsus-pole-oluline> (accessed on October 22, 2019).
8. Golosov, G.V. 2016, Factors of Party System Nationalization, *International Political Science Review*, vol. 37, no. 2, p. 246–260. doi: 10.1177/0192512114552864.

9. Golosov, G.V. 2016, Party System Nationalization: The Problems of Measurement with an Application to Federal States, *Party Politics*, vol. 22, no. 3, p. 278—288. doi: 10.1177/1354068814549342.
10. Hanley, S., Sikk, A. 2016, Economy, Corruption or Floating Voters? Explaining the Breakthroughs of Anti-Establishment Reform Parties in Eastern Europe, *Party Politics*, vol. 22, no. 4, p. 522—533. doi: 10.1177/1354068814550438.
11. Hughes, J. 2005, “Exit” in Deeply Divided Societies: Regimes of Discrimination in Estonia and Latvia and the Potential for Russophone Migration, *Journal of Common Market Studies*, vol. 43, no. 4, p. 739—762. doi: 10.1111/j.1468-5965.2005.00594.x.
12. Jansen, Y. 2013, *Secularism, Assimilation and the Crisis of Multiculturalism: French Modernist Legacies*, Amsterdam, Amsterdam University Press, 339 pp.
13. Johns, M. 2003, «Do as I Say, Not as I Do»: The European Union, Eastern Europe and Minority Rights, *East European Politics and Societies*, vol. 17, no. 4, p. 682—699. doi: 10.1177/0888325403258291.
14. Kuus, M. 2002, European Integration in Identity Narratives of Estonia: A Quest for Security, *Journal of Peace Research*, vol. 39, no. 1, p. 91—108. doi: 10.1177/0022343302039001005.
15. Lanko, D.A. 2015, Estonian Political Parties in the mid-2010s, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 50—57. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-5.
16. Lehti, M., Jutila, M., Jokisipila, M. 2008, Never-Ending Second World War: Public Performances of National Dignity and the Drama of the Bronze Soldier, *Journal of Baltic Studies*, vol. 39, no. 4, p. 393—418. doi: 10.1080/01629770802461175.
17. Lewis, P.G. 2006, Party Systems in Post-Communist Central Europe: Patterns of Stability and Consolidation, *Democratization*, vol. 13, no. 4, p. 562—583. doi: 10.1080/13510340600791863.
18. Lijphart, A. 1980, *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven, Yale University Press, 260 pp.
19. Madise, Ü., Martens, T. 2006, E-Voting in Estonia 2005: The First Practice of Countrywide Binding Internet Voting in the World, *Electronic Voting 2006: Proceedings of the 2nd International Workshop on Electronic Voting*, Bregenz, p. 15—26.
20. Marcos-Marne, H. 2017, Minorities to the Left: Ethno-Linguistic Identification and Vote in Europe, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 43, no. 15, p. 2634—2651. doi: 10.1080/1369183X.2016.1274648.
21. Mihhailov, S. 2017, Social Democrats Closed Their Narva Office, ERRi uudised, June 21, available at <https://www.err.ee/603427/sotsid-panid-oma-narva-kontori-kinni> (accessed on October 22, 2019).
22. Moorhouse-Stein, E., Rubin, A. 2016, The Index of Identity Group Institutionalization: A New Tool to Quantify the Institutionalization of Identity Groups in Democratic Societies, *Social Indicators Research*, vol. 128, no. 2, p. 929—955. doi: 10.1007/s11205-015-1063-x.
23. Pappi, F.U. 1998, Political Behaviour: Reasoning Voters and Multi-Party Systems. In: Goodin, R.E., Klingemann, H.D. (eds.) *A New Handbook of Political Science*, Oxford, Oxford University Press, p. 255—275. doi: 10.1093/0198294719.003.0009.
24. Pettai, V. 2017, Balancing between Consolidation and Cartel: The Effects of Party Law in Estonia. In: Bertoa, F.C., van Biezen, I. (eds.) *The Regulation of Post-Communist Party Politics*, New York, Taylor and Francis, p. 175—194.
25. Pettai, V. 2004, The Parliamentary Elections in Estonia, March 2003, *Electoral Studies*, vol. 23, no. 4, p. 828—834. doi: 10.1016/j.electstud.2004.02.001.
26. Pettai, V., Hallik, K. 2002, Understanding Process of Ethnic Control: Segmentation, Dependence and Co-Optation in Post-Communist Estonia, *Nations and Nationalism*, vol. 8, no. 4, p. 505—529. doi: 10.1111/1469—8219.00063.
27. Sasse, G. 2008, The Politics of EU Conditionality: The Norm of Minority Protection during and beyond EU Accession, *Journal of European Public Policy*, vol. 15, no. 3, p. 842—860. doi: 10.1080/13501760802196580.
28. Smith, G. 1999, Transnational Politics and the Politics of Russian Diaspora, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 22, no. 3, p. 500—523. doi: 10.1080/014198799329404.
29. Solska, M. 2011, Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania, *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no. 6, p. 1098—1108. doi: 10.1080/09668136.2011.585762.

30. Solvak, M., Pettai, V. 2008, The Parliamentary Elections in Estonia, March 2007, *Electoral Studies*, vol. 27, no. 3, p. 574—577. doi: 10.1016/j.electstud.2008.01.004.
31. Su, Y.P. 2018, Personal Vote, Spatial Registration Rules, and Party System Nationalization in Latin America, *International Political Science Review*, vol. 39, no. 2, p. 192—208. doi: 0192512116676354.
32. Taagepera, R. 2006, Meteoric Trajectory: The Res Publica Party in Estonia, *Democratization*, vol. 13, no. 1, p. 78—94. doi: 10.1080/13510340500378274.
33. Toomla, R. 2011, *Eesti Erakonnad 2000—2010*, Tartu, Tartu Ülikoolikirjastus, 250 lk.
34. Toots, A. 2019, 2019 Parliamentary Elections in Estonia, Analysis of the Friedrich Ebert Stiftung, Tallinn, published in March 2019, available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/baltikum/15260.pdf> (accessed on October 22, 2019).
35. Vanags, E., Vilka, I. 2006, Local Government in the Baltic States: Similar but Different, *Local Government Studies*, vol. 32, no. 5, p. 623—637. doi: 10.1080/03003930600896244.
36. Volkov, V.V., Poleshchuk, V.V. 2019, Current State of Inter-Ethnic Communication in Latvia and Estonia, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019, no. 2, p. 59—67. doi: 10.31857/S013216250004008—1 (in Russ.).
37. Waterbury, M.A. 2016, National Minorities and Intra-Ethnic Coordination in the European Parliament: Evidence from Central and Eastern Europe, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no. 3, p. 391—408. doi: 10.1080/09668136.2016.1148663.
38. White, A.C. 2015, How ethnicity matters in Russian elections: ethnic minorities and support for the United Russia party, *Eurasian Geography and Economic*, vol. 56, no. 5 (September), p. 524—546. doi: 10.1080/15387216.2015.1120680.
39. Yiftachel, O., Ghanem, A. 2004, Understanding ‘Ethnocratic’ Regimes: The Politics of Seizing Contested Territories, *Political Geography*, vol. 23, no. 6, p. 647—676. doi: 10.1016/j.polgeo.2004.04.003.

The authors

Dr Dmitry A. Lanko, Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4089-7962>

Dr Irina S. Lantsova, Associate Professor, Department of American Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: i.lantsova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5480-6227>
